

УДК 338.1

НАПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДНР

Миньковская М.В.

доцент кафедры международной экономики,

*ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени
Михаила Туган-Барановского»,*

Донецк, Россия

Аннотация

В статье рассмотрена сущность промышленных кластеров, указаны различия в понятиях промышленного симбиоза и экосистемы. Определено, что кластер является переходной формой промышленной экосистемы с точки зрения эволюции экономического пространства регионов. Поэтому, выступает, как локализованная экосистема, и обеспечивает реализацию принципа самоорганизации акторов. Проанализированы принципы формирования гибридной модели развития промышленности ДНР. Предложено использовать двухконтурную модель в условиях развития промышленности ДНР. Предлагаемая двухконтурная модель состоит из внутреннего контура – операционная устойчивость базовых отраслей; и внешнего контура – институциональная и инфраструктурная поддержка.

Ключевые слова: стратегия, регион, модель, кластер, источники финансирования.

DIRECTIONS OF STRATEGIC DEVELOPMENT OF THE INDUSTRY OF THE DPR

Minkovskaya M.V.

Associate Professor of the Department of International Econo,

*Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky,
Donetsk, Russia*

Abstract

The article examines the essence of industrial clusters and highlights the differences between the concepts of industrial symbiosis and ecosystem. It is determined that a cluster is a transitional form of an industrial ecosystem from the perspective of the evolution of the economic space of regions. Therefore, it acts as a localized ecosystem and ensures the implementation of the principle of self-organization. Principles of forming a hybrid model for the development of the DPR's industry are analysed. It is proposed to use a two-circuit model for industrial development. The proposed two-circuit model – operational stability of key industries – and an external circuit – institutional and infrastructure support.

Keywords: strategy, region, model, cluster, sources of funding.

В условиях глобальной неопределенности, переформатирования региональных контуров, современная экономика переживает этапы интенсивного формирования структурно сбалансированной импортонезависимой промышленности, и как следствие формируется необходимость разработки стратегий, позволяющих снизить диспропорции внутреннего экономического пространства регионов и отраслей на основе роста промышленного производства, его интеграции и локализации на внутренней территории. Актуализируется потребность в разработке новой организационно-экономической модели промышленного кластера региона как единицы экономического анализа, занимающей промежуточное место между экономическими агентами и региональными экономическими системами,

основанной на экосистемном подходе, позволяющем достичь положительного синергетического эффекта в реализации стратегических целей развития от интеграции предприятий на межотраслевом и межрегиональном уровнях.

По мнению Гамидуллаевой Л.А. промышленные кластеры, симбиозы имеют территориально-экономическую основу [1]. Но понятие «кластер» шире, чем «симбиоз», так как может формироваться не только по принципу ресурсосбережения и ресурсоэффективности, а также по принципу создания высокотехнологичных продуктов, инновационных разработок и т.п., что также опосредованно приводит к достижению целей устойчивого развития. Также автор указывает на то, что «промышленный симбиоз и промышленная экосистема – это модели интеграции промышленных предприятий, которые берут свое начало из биологической науки. Промышленная экосистема рассматривается, как родовое понятие по отношению к промышленному кластеру и к промышленному симбиозу. Кластер – это переходная форма промышленной экосистемы с точки зрения эволюции экономического пространства» [1, с.65].

Ломбарди Д.Р. промышленный симбиоз определяет, как «возможность для бизнеса и инструмент для эко-инноваций» [2].

Гамидуллаева Л., Васин С., Толстых Т., Зинченко С. указывают на то, что в современных условиях развития экономики, кластер можно рассматривать, как сложную систему акторов, ориентированных на достижение результатов общего ценностного предложения, а не на повышение их конкурентоспособности, как это рассматривалось ранее другими исследователями [3]. Кластер, как локализованная экосистема, прежде всего обеспечивает реализацию принципа самоорганизации акторов. В этой связи возникает вопрос отбора акторов, которые обладают потенциалом самоорганизации на основе четких прозрачных правил вхождения в кластер и функционирования в нем.

Интеграция промышленных предприятий развивается эволюционно от кластеров к экосистемам на основе повышения уровня «зрелости» каждого из

акторов, выражающейся в способности выстраивать взаимовыгодные доверительные отношения с партнерами, разрешать конфликты, руководствоваться долгосрочными целями, постоянно повышать производительность и заботиться о своей репутации. Формирование промышленных кластеров на основе экосистемного подхода требует гораздо большей глубины и масштаба анализа, особенно в контексте ограниченных традиций сотрудничества и доверия, когда необходим постепенный переход от одной стадии развития к другой [1, с.71].

Донецкая Народная Республика находится в ситуации двойного перехода: постконфликтное восстановление (ликвидация физических разрушений, разминирование, восстановление сетей) и структурная модернизация (переход от сырьевой модели к ресурсоэффективной, циркулярной). Проходит путь современной кластеризации и адаптирования к современным вызовам.

В мировой науке устойчивое развитие промышленности трактуется через триединство экономической эффективности, экологической безопасности и социальной справедливости (модель «тройного итога» - Triple Bottom Line) [4, с.28-30]. Однако для регионов с высокой концентрацией тяжёлой индустрии и постконфликтным статусом эта модель нуждается в адаптации.

Для ДНР характерен комплекс типичных проблем индустриальных регионов (высокий износ добывающей инфраструктуры, накопленный экологический ущерб), который усугубляется последствиями боевых действий – экологическими (разрушение очистных сооружений, загрязнение почв), кадровыми (миграция, дефицит квалифицированных рабочих) и инфраструктурными (повреждение энергосетей, дорог, жилого фонда). В ответ на данные вызовы предлагается гибридная двухконтурная модель промышленной экосистемы, базирующаяся на принципах адаптивности, циркулярности и социально-экономической устойчивости [5, с.45].

Предлагаемая двухконтурная модель состоит из внутреннего контура – операционная устойчивость базовых отраслей; и внешнего контура –

институциональная и инфраструктурная поддержка, и формируется на следующих принципах выработки стратегических направлений:

Принцип двухконтурного баланса – любые проекты должны одновременно повышать эффективность ядра (металлургия, уголь, ТЭК) и создавать «запас прочности» через внешние сервисы (кадровый резерв, резервные мощности экологической очистки).

Принцип приоритетной ликвидации «военных разрывов» – первоочередное восстановление инфраструктуры водоподготовки, энергоснабжения и мониторинга как условие для запуска остальных звеньев.

Принцип утилизации постконфликтного наследия – разрушенные здания, завалы, шахтные стволы рассматриваются, как ресурс для стройиндустрии и геотехнологий (засыпка, извлечение металлолома).

Принцип двухконтурного баланса отражается в теории промышленных экосистем (Industrial Ecology), согласно которой устойчивость отрасли определяется не только эффективностью «ядра», но и надёжностью поддерживающих подсистем. В более широком смысле он коррелирует с концепцией устойчивости социально-экономических систем, где выделяются два контура: быстрый (оперативный) и медленный (институциональный) [6]. Их несбалансированность ведёт либо к операционной неэффективности (при слабом ядре), либо к институциональному параличу (при гипертрофированном внешнем контуре).

В нашем случае внутренним контуром является текущая деятельность угольных шахт, обогатительных фабрик, металлургических и коксохимических заводов, а внешним – системы экологического мониторинга, центры переподготовки, правовые и страховые механизмы, логистические хабы. Их баланс выражен инвестициями в модернизацию ядра (например, замена устаревших агломашин на современные фильтры) с параллельным развитием внешних сервисов (обучение операторов, создание лабораторий анализа выбросов). При этом приоритет отдаётся проектам, которые дают

мультипликативный эффект – таким, которые одновременно улучшают экономику и экологию (например, использование металлургических шлаков в дорожном строительстве даёт экономию материалов и сокращает площади отвалов). Вторым важным принципом необходимо выделить принцип приоритетной ликвидации «военных разрывов». В литературе по восстановлению после конфликтов (post-conflict reconstruction) выделяется так называемый «эффект разрыва связей» (broken links effect): разрушение критической инфраструктуры (водоснабжение, энергоснабжение, связь) делает невозможным запуск любых других систем, даже если сохранились производственные мощности. Поэтому первоочередные действия должны быть направлены на восстановление критических систем жизнеобеспечения.

Принцип утилизации постконфликтного наследия опирается на концепцию циркулярной экономики и «urban mining» – извлечения ценных компонентов из техногенных и военных отходов. В постконфликтный период объём разрушенных конструкций, брошенной техники, металлолома и строительного мусора достигает десятков миллионов тонн. Их превращение из «бремени» в «ресурс» является одним из драйверов восстановления, что подтверждено опытом послевоенной Европы (Германия, 1945–1950-е гг.) и новейшими кейсами восстановления Балкан и Ближнего Востока [7, с.180-185].

К постконфликтному наследию относятся разрушенные промышленные и жилые здания (бетон, кирпич, металлоконструкции), военная техника и боеприпасы (после разминирования и утилизации), шахтные породные отвалы, которые могут быть переработаны в стройматериалы, а также повреждённые коммуникации (трубы, кабели, рельсы) – ценный лом цветных и чёрных металлов.

Стратегически важно заложить в нормативную базу механизмы, позволяющие предприятиям и муниципалитетам использовать материал без длительных согласований, с налоговыми льготами для переработчиков.

Например, создание нескольких логистических хабов по приёму, сортировке и первичной переработке отходов разрушения.

Оценивать соблюдение данного принципа следует по объёмам извлечённых вторичных ресурсов (тыс. тонн/год), долям вторичных материалов в общем объёме строительных работ и по количественному снижению площади нарушенных земель за счёт их рекультивации с использованием переработанных отходов. Необходимо учитывать влияние разрушительной силы взрывных волн на поверхностные слои земельного покрова, приводящие к возможности возникновения «отложенных» землетрясений, как высокую степень риска в стратегическом плане развития промышленности региона [8]. Предлагаемый подход не противоречит федеральным стратегическим документам и международным обязательствам, способствует конкретизации применительно к условиям ДНР, что создаёт прочную основу для интеграции региональной промышленной политики в общегосударственную систему стратегического планирования.

Библиографический список:

1. Гамидуллаева Л.А. Промышленный кластер региона как локализованная экосистема: роль факторов самоорганизации и коллаборации. *π-Economy*. 2023, Том 16, № 1. С. 62–82. [Электронный ресурс]. – Режим доступа – URL: https://economy.spbstu.ru/userfiles/files/articles/2023/1-2023/05_Gamidullaeva.pdf
2. Lombardi D.R., Laybourn P. 2012. Redefining Industrial Symbiosis: Crossing Academic Practitioner Boundaries. *J. Ind. Ecol.*, Vol. 16, pp. 28–37. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1530-9290.2011.00444.x>
3. L. Gamidullaeva, S. Vasin, T. Tolstykh, S. Zinchenko. Approach to Regional Tourism Potential Assessment in View of Cross-Sectoral Ecosystem Development. *Sustainability*. 2022, Vol. 14 (22). URL: <https://doi.org/10.3390/su142215476>

4. Фоменко Г. А., Фоменко М. А. Экологическая реабилитация нарушенных территорий: методы и технологии. – Ярославль: Канцлер, 2020. – 198 с.
5. Кирхгерр Ю., Пищичелли Л., Боур Р., Костенсе-Смит Э., Мюллер Дж., Хейбрехтсе-Трейенс А., Хеккерт М. Барьеры на пути циркулярной экономики: данные по Европейскому союзу // Экологическая экономика, 2018. Т. 150. С. 264–272.
6. Уокер Б., Холлинг К. С., Карпентер С. Р., Кинциг А. Устойчивость, адаптивность и трансформируемость в социально-экологических системах // Экология и общество. 2004. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа –URL: <https://ecologyandsociety.org/vol9/iss2/art5/>
7. Бобылёв С. Н., Захаров В. М. «Зелёная» экономика и устойчивое развитие. – М.: Изд-во МГУ, 2021. 256 с.
8. Жигалин А. Д., Сазонова В. В., Архипова Е. В. Тектонические и экологические последствия военных действий на территории Донецкой и Луганской областей РФ // РАНИМИ, 2024. №3 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tektonicheskie-i-ekologicheskie-posledstviya-voennyh-deystviy-na-territorii-donetskoy-i-luganskoy-oblastey-rf> (дата обращения: 22.09.2026).